

Эмиграция тараклийцев в Бразилию в 20-30-е годы XX столетия

Авторское резюме. Включение Бессарабии в состав Румынии (1918 г.) вызвало массовую эмиграцию населения. В сложных экономических и социально-политических условиях родные места покинули десятки тысяч семей представителей национальных меньшинств, в частности много жителей болгарских и гагаузских сел. Сотни тараклийцев отправились в Бразилию. Несмотря на огромные трудности, большинство их осталось за океаном. Адаптация болгар на новой родине заняла жизнь двух-трех поколений. С уходом старшего поколения связи с Тараклией прервались.

Ключевые слова: *Тараклия, королевская Румыния, аграрная реформа, Бразилия, Сан-Паулу, эмиграция, болгары, гагаузы.*

Войны, охватившие Европу в XIX и XX вв., особым образом повлияли на миграционные процессы из зон боевых действий, что в свою очередь, приводило к образованию колоний переселенцев из различных стран, участвовавших в вооруженных конфликтах. Именно в таких условиях произошло зарождение многих населённых пунктов юга Бессарабии, одним из которых была и Тараклия. Миграционные процессы всегда существовали на протяжении более чем двухсотлетней истории Тараклии. При этом каждому из ее этапов соответствовали определенные причины.

Одно из массовых переселений жителей нашего края имело место в мирное время – 20–30-е гг. XX в., когда после войны и революционной смуты Бессарабии вошла в состав королевской Румынии. В трудных условиях на грани выживания этому переселенческому процессу дал силу «Закон о регламентации миграции», принятый в июне 1925 г., а сам выезд населения получил название «Феномен миграции в южную Америку».

Для того, чтобы разобраться в причинах эмиграции в Бразилию нужно остановиться на некоторых характеристиках бессарабского общества в период между мировыми войнами. Именно в то время источники отметили массовую эмиграцию крестьян в Южную Америку, особенно в Бразилию. Почему же сельские жители юга Бессарабии, в том числе и тараклийцы, оставляли свои дома и в поисках счастья отправлялись в неизвестные им края?

Причины скрывались, прежде всего, в экономике. Румынская аграрная реформа 1918-1924 гг. не решила вопрос о наделении сельской бедноты землей. Фактически она возродила помещичье землевладение, укрепила зажиточную часть крестьянства и усилила расслоение деревни (ИРМ 1997: 181-182). Реформа оставляла помещикам не более 100 га пахотной земли. Однако, используя различные уловки, они сохраняли за собой крупные поместья. Поэтому ко времени завершения преобразований 339 крупных собственников владели 273 тыс. га земли, что в среднем составляло по 806 га на каждого. К 1940 г. только на юге Бессарабии они имели 870 тыс. га земли. При этом в 1931 г. в регионе оставалось 367,8 тыс. крестьянских хозяйств, не получивших наделы. Коро-

левскими декретами земель наделялись офицеры, чиновники бессарабской администрации, священники, бывшие члены Сфатул Цэрий. Естественно, такого рода распределение основного богатства Бессарабии вызывали растущее недовольство неимущих и малоимущих слоев населения. Показательно, что многие инвалиды первой мировой войны не были включены в списки для наделяния земель.

В Тараклии отмечены случаи обращения жителей к властям по поводу земельных наделов. Так 3 сентября 1923 г. в особое государственное учреждение «Каса Ноастрэ» обратились Дмитрий Рунтов и Иван Кармалак, которые жаловались, что их, хлебопашцев, не наделили землей, тогда как они имеют семьи, которые нужно содержать. В Тараклии уже не было свободной земли, поэтому крестьяне просили выделить им землю в коммуне Албота, Кагульского уезда. В доказательство своего безземелья Рунтов и Кармалак предоставили сертификаты, выданные примарией (Червенков, Думиника 2013: 282).

Для проверки правильности проведения земельной реформы в уезды выезжали государственные комиссии. Крестьяне жаловались представителям власти, что списки на получение земли составлены неверно. Действительно, в списках часто фигурировали фамилии и имена людей никому не известных или давно уехавших в другие страны. Это в совокупности создавало негативный настрой населения. Внутренняя миграция в отдалённые сёла, где были возможности приобретения земельных наделов, и аренда не решали проблемы. Многие жителей края стали задумываться о смене места жительства (Червенков, Думиника 2013: 278-289).

Тогда же различные пароходные компании Европы, которые терпели убытки от отсутствия пассажиров и грузоперевозок, стали пропагандировать в народе переселение в Бразилию. Стремясь поправить свое материальное положение, компании всячески рекламировали жизнь на новой земле, обещая каждой семье переселенцев материальное благополучие и полную свободу. Довольно скоро о переезде в Бразилию заговорили везде. В селах на самых видных местах висели плакаты с призывами к переселению. Утверждалось, что эмигрантов ждет полная свобода, бесплатная земли (по 25 га на семью). Сообщалось, что почвы очень плодородны, осадков достаточно для получения хороших урожаев, в отсутствие суровых зим снимает вопрос с отоплением жилищ. Конечно, каждый, кто поверил рекламе, слышал в ней то, что хотел слышать и надеялся за океаном решить все насущные социальные проблемы сельских бедняков.

Власти не предприняли никаких мер для остановки миграционного движения. Очевидно, что правящей верхушке было выгодно освобождение Бессарабии от национальных меньшинств и снятие социального напряжения в крае, недавно присоединенного к Румынии. В июне 1925 г. вышел «Закон о регламентации миграции», который предоставлял право эмиграции жителям районов, отошедших к Бухаресту после Первой Мировой войны. Это касалось и Бессарабии. В то же время жителям Старого Королевства эмигрировать строго запрещалось (Червенков, Думиника 2013: 288).

Одновременно румынское правительство начало переговоры с дипломатическим представительством Бразилии. Стороны, в частности, оговаривали то,

что труд бессарабских эмигрантов будет использоваться при вырубке лесов и на кофейных плантациях. В свою очередь, правительство Румынии планировало переселить в Бессарабию румын из Южной Добруджи и куцо-влахов из Македонии. Для этого нужно было любыми средствами очистить и подготовить территорию Пруто-Днестровского региона для новых жителей. Расселение румын среди местного населения, не знавшего румынский язык, должно было привести к его ассимиляции. Это удалось только отчасти.

Начиная с 20-х гг. XX в. в села с преимущественно болгаро-гагаузским населением заселялись румыны, в основном из интеллигенции: учителя школ, административные работники и служащие. Известно, что позднее И. Антонеску планировал за счёт миграционного процесса получить дополнительные земли. Не менее 300 тыс. га власти Румынии собирались влить в колонизационный фонд в результате выселения из Бессарабии инородного населения, главным образом из Белгород-Днестровского, Новокилийского, Измаильского, Кагульского, Бендерского, Бельцкого уездов. Их число превышало 700 тыс. человек, в том числе: украинцев – 250,7 тыс. человек; русских – 158,1 тыс. человек; болгар – 117,6 тыс. человек; гагаузов – 115,7 тыс. человек.

Судьба представителей названных народов предполагалось решить любыми средствами, включая спецлагеря, каменоломни, рудники, депортацию. На первом этапе наиболее гуманным способом избавления являлась эмиграция. К то же желающие эмигрировать, должны были выплатить различные налоги и пошлины, тем самым пополняя государственную казну. Антонеску считал, что при новом порядке минимальный надел земли на севере должен составлять 10 га, а на юге – 15-16 га. Кондукэтор прямо заявлял: «Если выиграем войну, мы эвакуируем из Бессарабии и Буковины всех чуженационалов и тогда у нас будет 700-800 тыс. гектар, кроме трёх миллионов в Транснистрии» (Грек 200...: ...).

Конечно, решение эмигрировать принималось нелегко. Люди долго колебались. Жалко было оставлять нажитые места, небольшие, но свои плодородные, политые потом предков наделы. Старшее поколение, как правило, выступало против того, чтобы молодые уезжали. Принимая решение о выезде, каждая семья решала вопрос: с кем останутся старики. Легче это давалось тем, кто жил отдельно от родителей со своей семьей. Чаще всего, решались уехать семьи, в которых главы семейств были не старше 40-50 лет. Меньше уезжали те, кто проживали вместе с родителями.

Начиная с 1925 г., наблюдается распродажа земли и имущества отъезжающими. Эти годы характеризовались падением цен, поскольку много людей стремилось скорее продать свое добро, чтобы собрать деньги на документы и дорогу. Предложение сильно опережало спрос. Иногда покупная цена была вдвое ниже реальной стоимости товара. По данным «Бюллетеня труда», органа Министерства труда Румынии, за 1925 г. из Бессарабии эмигрировало более 12 240 чел., тогда как из Старого Королевства – только 595 чел. Всего с 1918 г «за десять лет из Бессарабии бежало 300 тыс. жителей, то есть 12% населения» (Кустрябова 1977: 32).

Однако сегодня довольно трудно определить численность населения, покинувшего юг Бессарабии и эмигрировавшего в Латинскую Америку. О не-

которых сторонах этого переселения можно судить по личным наблюдениям краеведа П.А. Кайряка, а также на основе отдельных воспоминаний жителей сел, знавших о своих родственниках в Бразилии (Червенков, Думиника 2013: 289-291).

Обратной стороной эмиграционного процесса было то, что многие уезжали в долг, подписывая контракт по которому должны были отработать определенное время на кофейных плантациях. Тем самым еще до прибытия попадали в зависимость, а потому не могли по собственной воле вернуться назад. Другие, распродав все имущество, не имели куда вернуться, даже при большом желании. Наконец, третьи, находили силы вернуться на родину ни с чем. Однако были и такие, которые распродав своё движимое и недвижимое имущество, потратили средства на документы, но не смогли выехать из-за вступившего в силу запрета на выезд и становились нищими на родной земле.

По данным П.А. Кайряка и потомка бессарабских эмигрантов бразильца Жоржа Косикова: из Тараклии выехало 26 семей, однако масштаб переселения возможен быть большим, так как выезжали и тараклийцы осевшие на землях дочерних поселений в соседних уездах (Кайряк 1999; 2002; Червенков, Думиника 2013: 292).

С самого начала путешествия за океан бессарабских эмигрантов преследовали болезни и смерть. Морская болезнь, цинга, холера шли по пятам. Особенно часто гибли дети и женщины.

В Бразилии их ожидали не лучшие условия. Мало кому удалось быстро наладить свою жизнь на новом месте. Местные власти, пользуясь неграмотностью крестьян, платили мизерную заработную плату, используя их на самых тяжелых участках в сельском хозяйстве, при строительстве дамб и водопроводов. Невыносимые условия приводили к тому, что многие искали возможность вернуться на родину. Румынское правительство пошло навстречу мигрантам. Консул в Сан-Паулу получил распоряжение правительства беспрепятственно визировать паспорта бессарабских эмигрантов возвращающихся домой (Червенков, Думиника 2013: 303).

По предварительным подсчётам Жоржа Косикова в Бразилию переехали в общей сложности более 10 тыс. Бессарабских болгар (Косиков 2014)

Достоверно известно, что в 1926 г. более 300 семейств из южной Бессарабии болгарского и гагаузского происхождения переехали в Бразилию: из Чиишии – 200 семей; Кортен – 42; Хасан Батыр – 70; Николаевка – 6. Только на одном пароходе «Белведере» насчитывалось 77 семейств: из Давлет Агача – 22; Баурчи – 8; Пеленеи – 7; Московея – 6; Кагула – 6; Селиогло – 5.

Конечно, масштабы переселения, которое продолжалось довольно долго – примерно с 1925 по 1930 гг., были гораздо большими. Показательно, что если в 1923 г. численность жителей Болграда составляла около 18 тыс. чел., то в 1930 г. она лишь несколько превышала 14 тыс. Другими словами сокращение жителей главного болгарского поселения края очень существенным и составило более 20% (Кустрябова 1977: 22-23. Табл. 1). Между тем известно: желавших уехать было так много, что тараклиец И.П. Карагиоз, будучи предприимчивым человеком, взялся в 1928 г. за организацию переселения односельчан в

Бразилию. Однако к этому времени Бразилия отказалась принимать выходцев из Румынии.

За океан выезжали как группами, так и в одиночку. Каждый человек хранил в душе надежду на хороший заработок и последующее возвращение домой. Все отъезжающие проходили обязательное медицинское обследование. Особое внимание уделялось глазным болезням и кожным покровам. После получения пакета документов начиналось само путешествие, обычно занимавшее несколько недель. По прибытию эмигрантов помещали в карантин на предмет выявления болезней, а так же для оформления документов. Документы эмигрантов составляли на португальском языке. При этом не особенно учитывалось румынское правописание. Так появлялись разночтения и искажения ряда имен и фамилий.

В Бразилии тараклийцы, как и другие переселенцы, сталкивались с суровыми испытаниями. Обещания, которые раздавались при вербовке, оказались далёкими от реальности. Смена климата, жара днем и холод ночью, кишечные болезни приводили к заболеваниям и вызывали высокую смертность среди переселенцев. Невыносимые страдания причиняли укусы насекомых, скорпионов и змей.

Местная власть пользовалась неграмотностью крестьян. Всячески обманывала людей, выдавая им мизерную зарплату и объясняя, что остальная сумма удерживается в счет долга за проезд к месту жительства. При возникновении конфликтов к наведению порядка приступала миграционная полиция. Ж. Косиковым отмечается случай, когда она подогнала два поезда с вагонами и более 2000 бессарабских мигрантов одновременно вывезли в резервацию «Иля дос Поркос» – остров, ранее служивший тюрьмой. Не было снисхождения ни к детям, ни к беременным. От побоев женщины нередко рождали недоношенных или мертвых детей. По записям службы регистрации актов о смерти на острове смерти «Иля дос Поркос» остались в могилах более 150 душ бессарабских переселенцев. Из них большую часть составляли дети до трех лет (Косиков 2014: 70-73).

Тем, кто выжил, оставалось трудиться в поте лица. Часть эмигрантов только в третьем-четвертом поколении смогли получить образование и поступить на приличную работу. При этом почти каждая семья сохраняла документы предков, а рассказы о жизни в Бессарабии передавала из поколения в поколение (Булгар 20...: 421).

Потомок бессарабских болгар Жорже Косиков по крупицам собрал материал о болгаргах и гагаузах Бразилии. Среди этого материала есть сведения и о тараклийских выходцах. Некоторые из них пополнили мои знания о моих родственниках, переселившихся в Бразилию. Некоторые данные были подтверждены и дополнены респондентами, с которыми мне удалось побеседовать.

В книге Ж. Косикова, доктор Ари Динис Бакаржи (1958 г.р.) описал историю своих предков – семьи тараклийцев Никифора и Иванны Бакаржи, подтвердив это рядом документов. Согласно этим данным, малоземельный Никифор Николаевич Бакаржи (1893 г.р.) имел в Тараклии собственный дом, который построил на средства, вырученные от ремонта и изготовления колес

для телег (Косиков 2014: 121). Поэтому Никифор занялся строительным и столярным ремеслом. Вместе с братьями Семеном и Василием подряжался на строительные и кровельные работы в селе, а зимними вечерами исполнял различные столярные заказы односельчан.

Каждый из братьев вел свое хозяйство самостоятельно. Их семьи не бедствовали. Семен арендовал пахотную землю в соседнем селе Бисерикуца, держал двух волов, лошадь, корову и овец. Этого вполне хватало для одной семьи. Тем не менее, пришло время и все три брата решили отправиться со своими семьями в Бразилию. Активная пропаганда многочисленных заезжих агентов обещала скорое обогащение на чужбине. Однако за океан суждено было уехать не всем. В последний момент у Семена заболел шестилетний сын Иван. Пришлось вернуться в Тараклию и вновь обустроить семейный быт на родине. Братья Никифор и Василий отправились в далекую Бразилию, надеясь получить заветный пай собственной земли.

У тараклийской ветви рода Бакаржи существует такое предание. Расставаясь, братья договорились выслать с нового места жительства фотографию с «особыми приметами». Если воротники на рубашках будут распахнуты, значит им хорошо живется – их жизнь за границей удалась. Если же они будут застегнуты, то в Бразилии далеко не все так гладко, как обещала реклама. На заокеанской фотографии, которую получил и долго хранил Семен, воротники у его братьев расстегнуты, но, судя по всему, наперекор судьбе. До достижения желанного успеха им еще очень далеко.

Известно, что после получения визы в Бухаресте семья Никифора из шести человек достигла Гамбурга; затем пересекла океан и прибыла в порт Сантос. Здесь Бакаржи встретил некий земляк, который посоветовал не оставаться на месте, а поехать в город Кампо Гранде – столицу соседнего штата Мато-Гросо ду Сул. Никифор так и поступил, устроившись работать слесарем на строительстве городских канализационных сетей.

Со временем Н. Бакаржи получил бесплатно участок земли в г. Теренос (в 30 км от Кампо Гранде), где построил себе дом. В городе большинство жителей были болгарского происхождения, поэтому болгарский язык долго сохранялся в их семьях. Там семья Бакаржи прожила много лет. В Бразилии у Никифора родилось еще пятеро детей. Все они получили начальное образование, а высшее образование стало доступно его потомкам только в третьем поколении. Одно время Никифор стал сильно злоупотреблять алкоголем. Однако все же остановился, приобщился к поместной церкви баптистов и сумел воспитать в своих детях твердые моральные и религиозные ценности.

Достаточно долго дети Никифора (†1976) и Иванны (†1974) занимались сельским хозяйством: разводили животных и возделывали землю. Затем они продали семейное хозяйство, купили большие топливовозы и занялись перевозкой горючего внутри штата (см. Косиков 2014: 121-127)). К сожалению, в начале 70-х годов XX в. связь между родственниками в Тараклии и Бразилии прервалась.

Ж. Косиков дает сведения еще об одной переселенческой семье из Тараклии – это семейство Кирневых. Василий Кирнев решил эмигрировать с дру-

гими односельчанами в Бразилию. Имущество отец оставил своей тете по отцовской линии. Первоначально семья отправилась в Бухарест, а потом в Германию. Оттуда морским транспортом прибыли в Бразилию. В семье сохраняется легенда, что плыли они 17 дней и 17 ночей. В Сан-Паулу их поместили в пансионат для эмигрантов. Вскоре их направили на кофейные плантации города Рибейро-Прето (штат Сан-Паулу). Семьи иммигрантов целыми днями работали на плантациях. С ними обращались грубо, поэтому Кирневы вместе с 17 семьями бежали за тысячу километров, в город Ерешим. Там они получили участок, который расчистили и построили на нём дом (Косиков 2014: 165-165).

Известно, что из Тараклии выехали в Бразилию семья Василиы и Захара Желевых. Василиа была дочерью сельского старосты Тимофея Лазаровича Баркаржи (Хаджи Динко). Первоначально она была замужем за Тимофеем Жировским, погибшим в Первую мировую войну. Василиа осталась с тремя детьми на руках. Через некоторое время она вышла замуж за вдовца Захария Желева, у которого было четверо детей. Родив ещё двоих детей, супруги с семейством из одиннадцати человек отправились в Бразилию. Такие поступки и рискованные решения являются ярким примером тяжелого быта многодетных семей бессарабцев. Переезд через океан на новое место жительства в неизвестность с девятью детьми – очень смелый и жертвенный поступок.

Из Тараклии в Бразилию уехала семья Николая Некит. Дома ветеран Первой Мировой войны занимался сельским хозяйством, воспитывал пятерых детей. В январе 1926 г. получил документы на выезд и через Чехословакию, Австрию и Италию подался в с семьей Бразилию. За океаном в 1937 г. Некиты построили себе дом. Один из их сыновей женится. Любопытно, что свидетелями на свадьбе были выходцы из Тараклии – Петр и Мария Рабаджи. В 1938 г. у молодой семьи Некитов родился сын Дмитрий, который еще в 70-80-е гг. прошлого века служил в ВВС Бразилии.

Некоторые семьи тараклийцев вернулись Бразилии. Среди них Николай Георгиевич Бурлаков с сыновьями Михаилом и Иваном. Возвратился и Архип Васильевич Карамалак. В 1928 г. вернулся Федор Георгиевич Некит. Не найдя достойную работу за океаном, вернулся на родину Никифор Танов. Вернувшись крестьяне испытывали трудности, им негде было жить. Румынского гражданства им не давали. По законам королевства отказавшиеся от гражданства не имели права на его восстановление.

Бедственное положение болгар-реэмигрантов из Бессарабии обсуждалось на специальном заседании румынского парламента 20 мая 1927 г. Депутат Тудор Якобеску заявил: «Семьи болгар, подвергшиеся рабской работе на обещанных землях, вернулись на свою родину, но здесь они не обнаружили ни своей земли, ни домов, которые когда-то им принадлежали» Депутаты постановили: мигранты могут получить землю обратно в личное пользование, если ее никто не занял. Тогда же старший комиссар правительства в Бессарабии и Буковине И. Рышкану распорядился, оказать вернувшимся из Бразилии помощь нахождением работы через бюро трудоустройства. Периодические издания того времени не раз призывали возбудить уголовные дела против пароходных фирм, проводивших агитацию среди бессарабцев по поводу переселения в Латин-

скую Америку (Червенков, Думиника 2013: 302-303). Однако это никак не изменило общую ситуацию. По сути дела, в безвыходном положении оказались те, кто, ожидая отъезда, распродал все, а уехать потом не смог. Большинство такие люди становились нищими в родных селах.

После окончания Второй Мировой войны резко прервались связи между теми, кто остался в Латинской Америке, и их родственниками в Тараклии. Только во время известной «оттепели» Н.С. Хрущёва некоторые связи стали восстанавливаться. Отдельные эмигранты приезжали погостить в Тараклию. Однако обстановка советского времени им не понравилась и они уехали, навсегда похоронив свои надежды на возвращение. Конец эпохи СССР совпал уходом из жизни старшего поколения эмигрантов. После этого последние связи между родственными группами болгар двух континентов прекратились.

Источники и литература.

Булгар С. Гагаузы Бразилии. История одной эмиграции 1925-1930 // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 8. С. ...

Грек И. Село Гайдар: очерки истории и культуры // Лукоморье. Вып. 5.

ИРМ 1997. – История республики Молдова с древнейших времён до наших дней. Кишинев.

Кайряк П.А. 1999. Родословные древа Тараклии. Кишинев.

Кайряк П.А. 2002. Родословные древа Тараклии. Кн. 2. Кишинев.

Косиков Ж. 2014. Имиграцията в Бразилия: бесарабски българи и гагаузи. София.

Кустрябова С.Ф. 1977. Положение трудящихся и демографические процессы в городах Бессарабии (1918 – 1940). Кишинев.

Червенков Н., Думиника И. 2013. Тараклии – 200 лет. Т. 1 (1813-1940). Кишинев.

Бакаржи Сергей Николаевич (*Тараклия, Молдова*), *магистр истории, выпускник ТГУ*

Научный руководитель: доктор хабилитат истории Н.Д. Руссев.